

КОММЕНТАРИЙ · ОБЩЕСТВО

Русское поле нарциссов

Откуда и как берутся запреты и почему их становится все больше. Антрополог Роман Шамолин — о двух типах культуры

Иллюстрация: Петр Саруханов / «Новая газета»

07:13, 15 ноября 2024,

Роман Шамолин

антрополог, специально для «Новой»

Когда государственная власть нечто предписывает своему народу и народ не посыпает эту власть к черту, а так или иначе исполняет предписанное, это значит, что данная власть соответствует той картине мира, в которой существует народ. По крайней мере, это верно для той картины мира, которую разделяет та часть народа, которая не посыпает эту власть к черту.

А когда мы говорим о картине мира, то мы, конечно же, говорим о культуре. Ибо культура и есть то, что создает из фрагментарных элементов мира его относительно целостный образ, его картину. И поддерживает эту картину от распада.

Власть, государство — это один из элементов культуры. Прав был Освальд Шпенглер, когда говорил, что

форма государственного устройства есть такая же естественная часть «культурной души», как и народная песня или орнамент на оконных ставнях.

Власть и государство включены в культуру, это часть от ее части. Притом что чаще всего внутри культуры они есть элемент динамичный, определяющий. Какие бы невероятные и безумные вещи ни исходили от власти, они, по сути, идут не просто от группы девиантных управителей, взобравшихся на верх пищевой цепочки, — они идут от культуры. В той мере, в которой эта культура такую власть внутри себя приемлет.

Если власть без устали производит запреты и табу, если она изгоняет со своей территории все, что хоть как-то ей не нравится, — стало быть, это вопрос не только непосредственно к самой власти, но и вопрос к культуре, на почве которой такая

власть произросла.

Что есть в культуре такого, что любит запрещение? Что это за картина мира, которая строится на изгнании всего сомнительного?

Запрет в культуре — это подавление свободы выражения определенных мыслей и желаний, сопровождаемое наказанием. Явление универсальное и человеческому роду изначально свойственное.

Подавляя свободу, запрет, тем не менее, завязан на самом принципе свободы. На свободе принуждать и доминировать. На произволе. Доминация сильных над слабыми. Сильный не объясняет слабому, почему для того нечто запрещено. По крайней мере, с этого начинается. По известному священному преданию, человеческая история начинается с необъяснимого запрета, его нарушения и наказания за нарушение.

Фото: Вячеслав Прокофьев / ТАСС

Но пусть в основе запрета и лежит произвол, по мере оформления и упрочнения общественных связей он обретает некоторую логику. С архаических времен племя и род сдерживают спонтанное, свободное, иррациональное начало в индивиде, выставляя против него набор запретительных обычаев и законов, набор табу.

Вместе со становлением общественных организмов запреты обретают идейное, этическое обоснование и массовый характер. Но все это поначалу не универсальная логика и этика, а сугубо родоплеменная, локальная: то, что запрещено на «своей» территории и со «своими», вполне допустимо в отношении «чужих», т.е. в отношении всего остального человечества. В связи с таким акцентом на «своем» и презрением к «чужому» подобный тип общежития, культуры можно именовать нарциссическим.

Людской мир делится на тысячи разрозненных общежитий,

каждое со своими тотемами и табу, и наказанию может подвергаться всякий, кто чтит другие тотемы или нарушает табу. Наказание может обрушиться на целое соседнее племя, живущее по иным обычаям. По отношению к такому племени допускается любое насилие. Это времена трайбализма, когда могущество рода и племени отдельный индивид приносился в жертву без колебаний. Жестко очерченная сакральная идентичность, для которой окружающий мир выступает источником вражды, страха и ярости. Племя отчуждается от мира и устанавливает вокруг себя плотный занавес, а запреты и наказания — действенный способ этот занавес держать.

Несмотря на неукоснительно строгий и скорее даже жестокий характер племенных запретов, их происхождение иррационально и спонтанно. С одной стороны, за ними стоит страх перед большим миром снаружи и непонятным, темным миром внутри человека. И желание от неприятных воздействий этих миров себя оградить. Но не только это. Ибо

страх, как правило, сковывает и не способствует воображению, а запретная практика весьма изобретательна и сопровождается поистине креативным размахом.

Вполне вероятно, что многие запретительные идеи рождаются из того, что можно назвать наступательным нарциссическим самоутверждением, обусловленным активным самолюбованием группы и ее вождей. Запрещение призвано подчеркнуть особенный, автономный и «богоизбранный» путь. Ибо все, что приходит извне или не следует мейнстриму,

воспринимается не как повод для апгрейда, для эволюции, а как причина слабости и измени себе. Нарциссизм в принципе не понимает и не принимает эволюции. Замкнутый на себе, он вычеркивает все иное. Более того, он с известным азартом ищет вокруг себя все новые и новые предметы или идеи для их вычеркивания, для запрещения. Таким образом он утверждается.

Возникает феномен замкнутого сознания, когда концентрированное внимание на «своем» бытии отчуждает и обесценивает бытие окружающего, внешнего мира. Если «своя земля» и «своя кровь» исключительно сакральны, то весь остальной мир, все иные земли и племена — это зона профанического и, в общем-то, неодушевленного существования. Значимость такого мира невелика, как и интерес к нему.

Одни запрещают для самоутверждения, а другие соглашаются с запретами из-за тревоги и страха. Рядовой человек племени, адаптированный и лояльный, воспринимает запреты, изолирующие его от мира, как нечто безусловно положительное, как своего рода залог, что он и его род не растворятся, не исчезнут в бескрайнем. Возможно, так люди подражают той естественной видовой обособленности, что по умолчанию свойственна всем животным существам как их генетический навык. Ведь сами по себе люди определяющих видовых навыков не имеют, а если верить гуманистам и философам, они есть существа априори универсальные и свободные в самоопределении.

Но именно свобода и задает мучительную неуверенность. Опасности внешнего бытия

вместе с тревогами и страхами бытия внутреннего, психического, порождает вполне гнетущую атмосферу. И перед большинством индивидов жестко встает вопрос: как обрести почву под ногами?

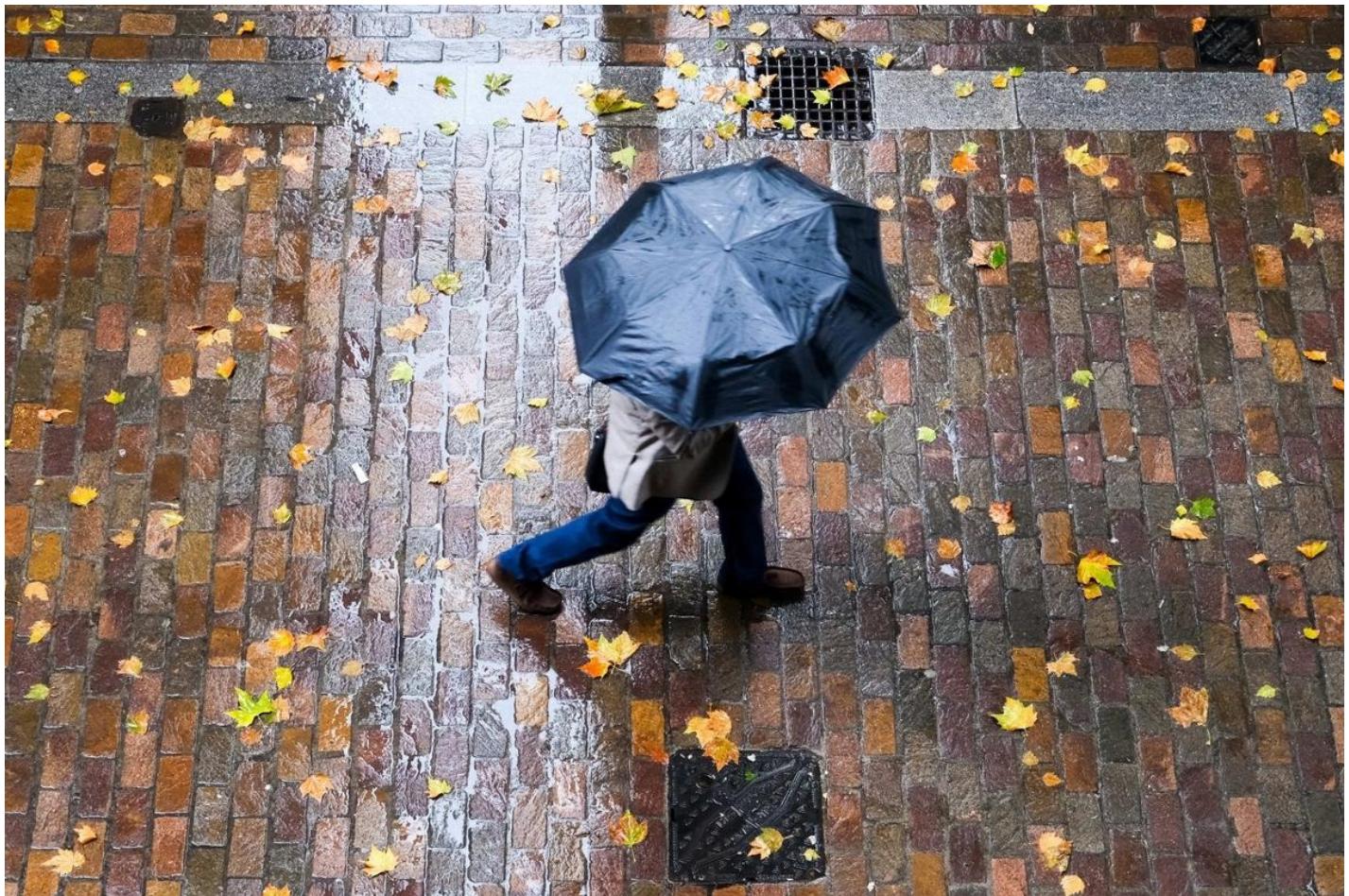

Фото: Zuma \ TASS

Ответом на такой вопрос и является запрет. Следуя запретному кодексу, индивиды имеют хорошие шансы оградить себя от многих рисков. А также от собственной непредсказуемой природы, от страхов и от тех пропастей, на которые так богато воображение всякого, кто не отягчен развитой рефлексией. В целом звучит это примерно так: если мы не вычеркнем из контактов мир внешний и не наложим строгие табу на мир внутренний, не выживем. Никаких лишних исканий и вопросов: одна земля, один народ, один бог, один вождь. То, что

нас изолирует, делает нас сильнее.

Нарциссизм, склонный к запрещению или вытеснению из пределов сознания всего, кроме самого себя, выражается в определенном типе культуры. Такая культура имеет, как правило, ярко выраженные коллективистские, корпоративные черты, черты секты или компаний сетевого маркетинга. Ибо нарциссическое сознание является абсолютно несамодостаточным, оно нуждается в постоянном подтверждении, признании, а это обеспечивается в условиях, когда вокруг гарантированно признаются и одобряются определенные вещи, идеи. Отождествить себя с этими идеями и больше не знать нужды — таков путь нарциссизма.

Поэтому вполне можно говорить о нарциссическом типе культуры, где всегда воспроизводится одно и то же, один и тот же смысл в знакомых формах, и выбраковывается все, что ему не соответствует. Критерий же этого смысла выводится не из каких-то отвлеченных, абстрактных и универсальных позиций, доступных для рефлексирующего разума. Нет, он выводится просто из потребности не слишком просвещенных людей получить понятную и стабильную идентичность — такую, чтоб их естественный нарциссический инстинкт оказался удовлетворен. Когда люди подобной культуры говорят, как они гордятся своей нацией, родиной, историей, литературой, религией, это означает именно то, что их нарциссизм удовлетворен и они больше не знают тех тревог, что несет с собой свобода познания.

Как правило, нарциссическая культура удовлетворена существованием в своих пределах и не слишком интересуется чем-либо внешним. Все, что внутри нее почитается за высокие

и правильные ценности, не положено и рядом ставить с ценностями «инородного» происхождения. Сравнение, конечно, же допустимо, но лишь затем, чтобы еще раз подчеркнуть однозначное превосходство собственной картины мира. Нарциссическое сознание убеждено: признавать или даже с уважением относиться к альтернативным, или так называемым универсальным идеям равносильно лишению себя твердой и проверенной почвы под ногами. Равносильно собственному поражению в правах. Потому в отношении к «инородному» всегда наготове скепсис: «Из Назарета может ли быть что доброе?» (Ин. 1: 46).

В итоге, даже когда «инородное» напрямую и не запрещено, в сознании устанавливается внутренний запрет не только на его признание, но и на сам интерес к нему.

Возникает феномен, который можно назвать намеренным незнанием. Оно дает, наверное, самую высокую гарантию того, что никакие новые идеи не проникнут в культурное поле и не нарушают покой его обитателей.

Выше упоминалось, что запреты способны возникать не только из «охранительных» мотивов, но из «наступательных» тоже. Нарциссическое сознание, как это принято считать у психологов, не обладает внутренней содержательностью. Оно пусто изнутри. По крайней мере, все, что относится к содержательному, внутрисмысловому аспекту человеческого «я», в нем не развито и не имеет существенного влияния. И вероятно, чтобы не остаться в ужасе полной беспредметности, такое сознание должно постоянно заполнять себя объектами.

Причем объектами, которые будут подтверждать нарциссическую идентичность. Давать удовлетворение. По сути, лишь таким образом — присоединяя объекты — удовлетворение здесь и происходит.

Объектом же может служить все, что угодно: жизнь и смерть, люди и отношения между ними, чувства и убеждения. Нарциссизм действует так, чтобы всякая встреченная индивидуальность попадала в статус его подданства, работала на его идентичность. Это происходит как на персональном уровне, так и на коллективном. На уровне нарциссической культуры.

В культуре, которая предписывает нарциссическую объектность, индивидуумам надлежит скрывать, вытеснять, а то и вовсе уничтожать собственную идентичность, свою субъектность, и заменять ее на идентичность, выдаваемую нарциссическим распорядителем, в качестве которого выступает или напрямую власть, или расхожее общественное мнение со своей не принимающей дискуссий установкой «у нас так принято» или «у нас все делают это». По сути, в этом и состоит самый радикальный запрет из всех возможных — запрет на субъектность, на месте которой устанавливается «правильная» нарциссическая объектность. Культурный патриотизм. Говоря на языке популярных современных понятий,

в нарциссической культуре индивидуальность подвергается абсолютному абьюзу.

Фото: Роман Яровицын / Коммерсантъ

Наверное, главная цель, которой хотят достичь распорядители культуры, — полная лояльность индивидуума ко всему, что бы в культуре ни вытворялось и ни провозглашалось. Внутренний самозапрет нелояльности. И остается лишь удивляться тому, как легко индивидуум дает на все это согласие. Без раздумий и сожалений делается нарциссическим объектом, готовым к исполнению предписанных требований. Словно персонаж рассказа Франца Кафки «Превращение» Грегор, который, однажды утром обнаружив себя превратившимся в большое насекомое (в жука), не особенно этим шокирован и даже не удивлен. Да, нарциссизм хочет от своих объектов согласия, а не удивления. Удивленный объект нарциссизму не нужен.

Подобное положение вещей и подчиненная, «абьюзная» роль индивида настолько очевидны и повседневны во все времена (как давние, так и нынешние), что возникает представление об

их неизбежности и даже естественности. Но возможны ли в принципе другое, не «нарциссическое» устройство культурного поля и другое, не «объектное» положение в нем индивида? Да, возможны.

Перемены начинаются с возникновением античных глобальных цивилизаций. Или, как называл эту эпоху философ-антрополог Карл Ясперс, с «осевого времени». У греков и римлян тех времен впервые возникают представления об универсальных, ойкуменических идеях: благо, красота, добродетель. Эти идеи имеют отношение к совершенно любому индивиду и уже не измеряются племенной территорией или традицией крови. Различие же своих и чужих богов порождает не вражду, а исследовательскую интригу. Многовековой дискурс трайбализма впервые подвергается иронии:

если бы лошади и быки могли созидать, то и богов бы они созидали по собственному виду, пишет грек Ксенофан из Колофона.

Нарциссическая природа людей, конечно же, никуда не исчезает, но из-под нее убирают идейные основания. Инакомыслие признается античной цивилизацией и активно поддерживается. На всей огромной территории Римской империи никакому народу и племени не препятствовали видеть мир по-своему. И по-своему верить. Более того, римляне с удовольствием перенимали у населения подвластных земель самые странные, экзотические представления. И триумфальное историческое шествие христианства, если смотреть на него как на феномен культуры, а не как на метафизическое откровение, сделалось возможным благодаря античной универсальности. «Нет ни иудея, ни эллина» — безусловно, это эллинская, ойкуменическая мысль.

Собственно, вся дальнейшая история человечества является собой переплетение и антагонизм этих двух определяющих культурных позиций — нарциссической и ойкуменической. Они могут сосуществовать в пространстве одного времени, страны и языка, но при этом не смешиваются, не становятся одним целым. То, что являла философская космогония Джордано Бруно или арт-импровизации Караваджо, не одно целое с тем, что в том же месте и в те же времена являли собой постановления святой инквизиции или проповеди Савонаролы. То, что думали и писали Чаадаев и Пушкин, не одно целое с военными парадами Николая I или теорией «официальной народности» графа Уварова.

Сосуществуя и противореча друг другу, эти две культуры задают истории подвижность. Нарциссическое начало самоутверждается в запретах и, как правило, доминирует. Ойкуменическое — различными творческими способами запреты преодолевает, но чаще всего занимает аутсайдерское, а то и маргинальное положение. Тем не менее если социум развивается, если нравы и представления эволюционируют, это всегда плоды влияния ойкуменистов. В какой-то момент их выходы из запретных зон уже нельзя игнорировать, и в истории общественного бытия наступает качественный скачок.

Однако возможно и такое, что нарциссическая сторона решает совершенно под корень извести своих оппонентов. В этом случае запреты становятся абсолютными и в ход активно идут силовые ресурсы, которыми в полной мере обладает главный нарциссический субъект всякого общественного бытия — власть. Сосуществование делается невозможным, и ойкуменическая сторона вынуждена или покинуть общую территорию, или перейти в режим минимальной проявленности, или же, бросая открытый вызов, получить полную меру репрессий. Единственные перемены, которые в

этом случае намечаются на горизонте, — это перемены, связанные с еще большим, абсолютным усилением главного нарциссического субъекта. И соответственно, с абсолютным превращением в объекты всех действующих лиц данного процесса. По крайней мере до тех пор, пока главный нарциссический субъект тоже не претерпит катастрофу — уже абсолютную.

Кажется, что эволюционные преимущества ойкуменического варианта очевидны. Но это не так. Огромное количество людей и сейчас воспринимает свободу не иначе как свободу «темных» ее сторон. А познание себя — как расточительство времени, так необходимого для выживания и обустройства в мире материальных вещей и отношений. Эти люди с ожиданием смотрят в сторону тех, кто обещает им вместо свободы понятные, отчетливые и снимающие тревогу смыслы. Кто обещает дать по-настоящему правильных, «своих» богов.

И не факт, что люди вообще склонны осознать себя универсальным и сложным организмом — человечеством. Даже в перспективе. Но именно такими безнадежными перспективами и живет мысль философов и гуманистов.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

Материнское сердце превратилось в кулак

Какова «женская идея» в Российской Федерации сегодня. Или этика в этих условиях оказалась бесполой, то есть государственной?

13:45, 11 ноября 2024, Роман Шамолин

Похвала глупости. Российская версия

Негласный «контракт на доверие» – так можно назвать отношения между народом и властью. Что предполагает отказ от критических мыслей

11:24, 28 октября 2024, Роман Шамолин